

Антисоциальное расстройство личности как форма адаптационной стратегии

Николай Юрьевич Пятницкий, Сергей Николаевич Ениколопов
ФГБНУ «Научный центр психического здоровья», Москва, Россия

Автор для корреспонденции: Николай Юрьевич Пятницкий, piatnits09@mail.ru

Резюме

Обоснование: в современной отечественной литературе практически отсутствуют эволюционные трактовки антисоциального расстройства личности. **Цель работы:** анализ концепций эволюционного подхода к пониманию происхождения и типологии антисоциального, или диссоциального, расстройства личности. **Материал и методы:** нарративный обзор современной англоязычной психиатрической и психологической литературы составлен с использованием всех доступных поисковых систем по ключевым словам «антисоциальная психопатия» и «эволюционная психиатрия и психология». **Обсуждение и заключение:** в современной англоязычной литературе аффективный компонент антисоциальных черт, подчеркнутый лишь в МКБ-10, называют «первичной психопатией». В свою очередь, поведенческий компонент антисоциальных черт, ассоциированный с «поиском ощущений» и «гиперактивацией», именуют «вторичной» психопатией. Эволюционный и экологический подходы подчеркивают адаптивную роль агрессивного и антисоциального поведения, рассматривая такое поведение как «стратегию высокого риска» в социальном и половом соревновании, потенциально адаптивную (а не как «поведенческие дисфункции»). Понимание стойкого антисоциального поведения в качестве социальной стратегии «обманщика», эксплуатирующей доверие и кооперативное поведение других людей, основано на «повторяющейся» дилемме заключенного R. Axelrod-W. Hamilton. В эволюционной модели «дилеммы заключенного» выигрыш игрока определяется влиянием на «приспособленность» (фитнесс): выживание и плодовитость. Некооперативное поведение как животных, так и человека понижает приспособленность (фитнесс) других и включает агрессивное поведение, обман, предательство, хищничество и социальный паразитизм. С точки зрения концепции «экономических игр» люди с субклинически выраженными первичными психопатическими чертами (эмоциональная холодность, манипулятивность, макиавеллизм) представляются «стратегами» с партнерами по кооперации: они «отдают» тем партнерам, кого считают «высокоценными» (с потенциалом большой выгоды в будущем), и только «берут», манипулируя и обманывая, у «малоценных». В широком смысле психологи и психиатры эволюционного направления находят в характеристиках антисоциальных личностей преобладание набора свойств «быстрых» жизненных стратегий, при этом концепция «быстрых стратегий» привлекается и для объяснения географических различий в распространенности агрессивного поведения.

Ключевые слова: антисоциальное расстройство личности, «первичная» и «вторичная» психопатия, эволюционная психиатрия и психология, «дилемма заключенного», стратегия «обманщика»

Для цитирования: Пятницкий Н.Ю., Ениколопов С.Н. Антисоциальное расстройство личности как форма адаптационной стратегии. *Психиатрия*. 2024;22(3):63–72. <https://doi.org/10.30629/2618-6667-2024-22-3-63-72>

REVIEW

UDC 616.89-008.486

<https://doi.org/10.30629/2618-6667-2024-22-3-63-72>

Antisocial Personality Disorder as a Form of Adaptive Strategy

Nikolay Yu. Pyatnitskiy, Sergey N. Enikolopov
FSBSI "Mental Health Research Centre", Moscow, Russia

Corresponding author: Nikolay Yu. Pyatnitskiy, piatnits09@mail.ru

Summary

Background: in contemporary domestic psychiatry the evolutionary explanations of antisocial personality disorder are practically lacking. **The aim of study:** the analysis of the significant concepts of the evolutionary approach to understanding the origins and typology of antisocial, or dissocial, personality disorder. **Material and methods:** a narrative review of contemporary English-language psychiatric and psychological literature using all available search engines using the keywords "antisocial psychopathy" and "evolutionary psychiatry and psychology". **Discussion and conclusion:** in English-language psychiatric and psychological literature the affective component of antisocial traits, emphasized only in ICD-10, is called "primary psychopathy,"

while the behavioral component of antisocial traits, associated with “sensation seeking” and “hyperactivation,” is called “secondary” psychopathy. Evolutionary and ecological approaches emphasize the adaptive role of aggressive and antisocial behavior, viewing such behavior as a “high-risk strategy” in social and sexual competition, as “costly” but potentially adaptive (rather than as “behavioral dysfunctions”). The understanding of persistent antisocial behavior as a social “trickster” strategy exploiting the trust and cooperative behavior of others is based on the R. Axelrod-W. Hamilton “iterated” prisoner’s dilemma. In the Prisoner’s Dilemma evolutionary model, the player’s payoff is determined by the effects on “fitness”: survival and fertility. Participating in several interactions with individuals, an antisocial “deceiver” with high mobility is able to exist, manifesting itself with a fairly low frequency in the population. Non-cooperative behavior in both animals and humans reduces the fitness of others and includes aggressive behavior, deception, betrayal, predation and social parasitism. From the point of view of the concept of “economic games,” people with subclinically expressed primary psychopathic traits (emotional coldness, manipulateness, Machiavellianism) are represented as “strategists” with cooperation partners: they give with reciprocity to those partners whom they consider “highly valuable” (with the potential for great benefits in future), and only “take”, manipulating and deceiving, from those of “low value”. In a broad sense, evolutionary psychologists and psychiatrists find in the characteristics of antisocial individuals a predominance of a set of properties of “fast” life strategies, while the concept of “fast strategies” is also used to explain geographical differences in the prevalence of aggressive behavior.

Keywords: antisocial personality disorder, “primary” and “secondary” psychopathy, evolutionary psychiatry and psychology, “prisoner’s dilemma”, “deceiver” strategy

For citation: Pyatnitskiy N.Yu., Enikolopov S.N. Antisocial Personality Disorder as a Form of Adaptive Strategy. *Psychiatry (Moscow) (Psikhiatriya)*. 2024;22(3):63–72. (In Russ.). <https://doi.org/10.30629/2618-6667-2024-22-3-63-72>

Диссоциальное [1], или «антисоциальное» [2, 3], расстройство личности рассматривается в эволюционной психиатрии, психологии и антропологии [4–6] как форма адаптационной стратегии, а в трансдиагностическом подходе — как «ядро» группы «экстернализованных» психических расстройств (к «интернализированным» относят депрессивные и тревожные расстройства). МКБ-10, DSM-IV и DSM-5 руководствовались при диагностике диссоциального/антисоциального расстройства личности шестью-семью критериями (DSM-IV требовала наличия для диагностики антисоциального расстройства личности как минимум трех критериев из семи), при этом критерий сниженного порога к агрессивному поведению присутствует в первых двух классификациях. Другие критерии в основном совпадают, за исключением того, что в МКБ-10 отсутствуют два существенных критерия диагностики антисоциальной личности из DSM-IV, такие как «лживость и обман других для собственной выгоды или удовольствия» и «импульсивность и неспособность планировать заранее».

Хотя МКБ-10 и DSM-IV говорят о нередко присущей антисоциальным психопатам «постоянной раздражительности», этот критерий не является облигатным. Если МКБ-10 в русском варианте подчеркивает для диссоциальных личностей важность критерия «бессердечного равнодушия к чувствам других», восходящее к понятию «эмоционально холодных» или «бездружных» психопатов К. Schneider [7] и Е. Kraepelin [8], то DSM-IV и DSM-5 предпочитают указывать на «пренебрежение и нарушение прав других». В современной англоязычной психиатрической и психологической литературе аффективный компонент антисоциальных черт, подчеркнутый лишь в МКБ-10, называют «первичной психопатией», при этом эмоциональная холодность часто ассоциируется с бесстрашием и низкой тревожностью; в свою очередь, поведенческий компонент антисоциальных черт, ассоциированный с «поиском ощущений» (sensation seeking) и «гиперактивацией»,

называют «вторичной» психопатией [4]. В DSM-IV понятие «антисоциального расстройства личности» строится преимущественно на проявлениях антисоциального поведения («вторичная психопатия»), а аффективному компоненту «первичной психопатии» уделяется мало внимания, в результате «профиль личности» антисоциального расстройства по DSM и «первичного» психопата может существенно различаться [9]. Следует отметить, что традиционно в англоязычной психиатрии и психологии понятие «психопатии», в отличие от российской и немецкоязычной психиатрии, охватывало более узкий спектр расстройств личности и ограничивалось комплексом «антисоциальных», «вредных для окружающих», «опасных» свойств индивидуума (в американской психиатрии определяемых «социопатическими»). «Психопатическая личность» у Н. Cleckley [10] — это, прежде всего, человек, внушающий доверие и расположение при первой встрече («поверхностно обаятельный») и одновременно с этим скрывающий глубинную опасность для окружающих и неспособность испытывать ни стыд, ни сожаление.

Несмотря на отчетливую связь между антисоциальным расстройством личности и делинквентным поведением (кражи, драки), многие люди с рядом выраженных черт «антисоциального» расстройства личности избегают проблем с законом и в виде «успешных психопатов» [11]¹ могут процветать в соревновательных «профессиях высокого риска»: от политики и предпринимательства до опасных видов спорта, работы в правоохранительных органах и военных организациях. При этом «успешные» психопаты демонстрируют относительно низкий уровень «вторичной» психопатии — ее «поведенческих» проявлений и расторможенности. Личностное различие между неуспешными и успешными психопатами объясняется, по-видимому,

¹ Внедрявший в психиатрическую литературу термин «успешный психопат» S.O. Lilienfeld [11] в качестве «классического» примера такой личности приводил британского шпиона-авантюриста, являвшегося прототипом кинематографического Джеймса Бонда.

уровнем общего интеллекта, самоконтроля, сознательности, расчетливости и способности планировать текущие действия в зависимости от общей цели, менять реакцию в зависимости от контекста («исполнительные функции») [4, 11]. S.O. Lilienfeld и соавт. [11] добавляли к «протективным» чертам «успешных» психопатов еще и «бесстрашную доминантность».

Картину стойкого антисоциального поведения могут обуславливать различные подтипы личности с разной комбинацией и значимостью генетических и средовых факторов. Так, D.J. Hawes и соавт. [12], говоря о хроническом антисоциальном поведении «с ранним началом» (в детстве от двух до трех лет), выделяли два пути его формирования: с наличием черт «бессердечности и безэмоциональности» (с ограниченными эмпатией, чувством вины, эмоциональностью) и с отсутствием черт «бессердечности». Если у последних антисоциальное поведение развивается на основе гиперреактивного, «эмоционально-неуравновешенного» темперамента, то у детей с чертами «бессердечности» формирующийся стереотип антисоциального поведения включает не только «реактивную» агрессию (в ответ на воспринимаемую провокацию), но и «проактивную», «хищническую» агрессию, используемую для своей выгоды. «Плохое обращение» и качество семейного окружения оказываются значимыми для развития антисоциального поведения у детей с маловыраженными «бессердечно-неэмоциональными» чертами, в то время как у детей с высоким уровнем «неэмоциональных» черт прямого влияния качества семейного окружения на формирование проблемного поведения не наблюдалось. Все же, по-видимому, для части людей с хроническим антисоциальным поведением значимую роль играет социальное обучение: контакт с делинквентными сверстниками и группами ведет к возрастанию девиантности благодаря «эффекту contagiозности» [13].

Прекурсорами антисоциального расстройства личности, диагностируемого только у взрослых, в детстве и подростковом возрасте в DSM-5 считаются две категории: «оппозиционное расстройство с непослушанием», агрессия при котором, главным образом, реактивная и связана с «негативным» настроением, и «расстройство поведения», уже включающее проактивную агрессию: издевательства, нападение с оружием, жестокость в обращении с животными, принуждение к сексуальному контакту. При том что с возрастом наблюдается тенденция к прогрессированию от оппозиционного расстройства к расстройству поведения и антисоциальному расстройству личности, только 25–30% индивидуумов получают более тяжелый диагноз в дальнейшем [4].

Распространенность варианта антисоциального поведения с ранним началом (в детстве) и сохранением его в течение всей жизни в популяционных исследованиях составляет около 5%. Этому варианту присущи десятикратное преобладание мужского пола и выраженность признаков «первичной психопатии». Однако

есть варианты антисоциального поведения с ранним началом, ограниченные периодом детства, и затуханием высокого уровня агрессии в подростковом возрасте, они обычно отличаются низким уровнем признаков «первичной психопатии». Аналогичным образом подразделяются варианты с началом проявлений антисоциального поведения в подростковом возрасте: с прекращением его после подросткового возраста («desisters», «прекратившие») и с продолжением антисоциального поведения во взрослом возрасте [4, 14, 15]. Теория, объясняющая ограничивающееся подростковом периодом антисоциальное поведение «провалом» между биологической и социальной зрелостью [15], приводящим к временному усилению девиантного поведения в этой возрастной группе («нормативная девиантность»), не подтвердилась, поскольку антисоциальное поведение в подростковом возрасте демонстрировали лишь 20–30% подростков [4].

До появления теории естественного отбора Чарльза Дарвина [16–19] происхождение антисоциального поведения у человека рассматривалось английским философом Томасом Гоббсом [20] как врожденное, при этом предполагалось, что просоциальное поведение приобретается благодаря обучению и тренировке. Позицию Томаса Гоббса разделял, в сущности, и один из «пионеров» эволюционного подхода в психологии итальянский психиатр С. Lombroso [21], который в своей знаменитой монографии «Врожденный преступник» описал целый ряд разнообразных «преступлений» у различных видов животных и сформулировал теорию «атавистического» происхождения антисоциальных действий человека. Французский гуманист Жан-Жак Руссо [22], напротив, утверждал, что дети по природе «просоциальны», и лишь за счет неправильного воздействия взрослых поведение первично «добрых» детей становится антисоциальным.

Согласно концепции естественного отбора Чарльза Дарвина, поведению, увеличивающему шансы на выживание индивидуума и его родственников, обучаются с большей легкостью [13].

Эволюционный и экологический подходы стали подчеркивать адаптивную роль агрессивного и антисоциального поведения, рассматривая такое поведение как «стратегию высокого риска» в социальном и половом соревновании, как «дорого обходящуюся», но потенциально адаптивную (а не как «поведенческие дисфункции») [4]. Так, T.J. Dishion, G.R. Patterson [13] говорили о «функциональности» не только «прикрытого», но и открытого антисоциального поведения у детей и подростков на микросоциальном уровне, поскольку оно позволяет контролировать поведение другого человека, как минимум, краткосрочно. Помимо этого, девиантное поведение может формировать основу и для долгосрочных дружеских отношений сверстников.

Н.С. Harpending и J. Sobus [6] в основе стереотипа антисоциального поведения видели социальную стратегию «обманщика», эксплуатирующего доверие и кооперативное поведение других людей, избегая

при этом реципрокности. Индивидуум может извлечь выгоду из взаимной кооперации, но еще большую выгоду индивидуум может получить, эксплуатируя кооперативные усилия других. Такая интерпретация антисоциального расстройства личности восходит к модели кооперации между организмами (от бактерий до приматов) R. Axelrod и W.D. Hamilton [23]. В основе этой модели лежит «теория игр», в частности «дилемма заключенного» (Prisoner's Dilemma). В игре «дилемма заключенного» два индивидуума могут либо «кооперироваться» друг с другом, либо «предать», перейти на «чужую» сторону (следователя). Классическая формулировка «дилеммы» (первоначально сформулированной математиками) такова: полиция изолирует двух попавшихся на сходных криминальных деяниях и подозреваемых в сговоре индивидуумов и предлагает им сделку: если один свидетельствует против другого, при условии, что другой молчит, то он освобождается за помощь следствию, другой же получает максимальный срок заключения — 10 лет; если оба молчат, то оба получают более легкое наказание — полгода тюрьмы, а если оба свидетельствуют друг против друга — то два года заключения. Ни один из изолированных заключенных не знает точно, что сделает другой. Рациональным выбором — при стремлении минимизации собственного срока заключения — будет «предать». Не зная того, что делает другой игрок, эгоистичный выбор «измены» приносит игроку большую выгоду от нее, чем кооперация, хотя, если «предают» оба игрока, им приходится хуже («наказание за взаимную измену»), чем в случае, если бы оба «кооперировались». Такая же стратегия, с точки зрения R. Axelrod и W.D. Hamilton [23], срабатывает не только в теории игр, но и в биологической эволюции. В эволюционной модели «дилеммы заключенного» выигрыш игрока определяется влиянием на «приспособленность» (фитнесс): выживание и плодовитость. Если оба индивидуума уже больше никогда не встретятся, единственной оптимальной стратегией в «игре» будет «измена». Если в популяции интеракции между двумя индивидуумами случайны и не повторяются, то все индивидуумы в ней становятся «предателями», и эта стратегия оказывается оптимальной и стабильной. Стратегия считается эволюционно стабильной, если в пользующейся такой стратегией популяции индивидуумов не может распространиться «мутант», использующий иную стратегию. Если в «дилемму заключенного» играют один раз, никакая другая стратегия, кроме чисто «некооперативной», в популяции не может распространиться. Однако, если те же индивидуумы встречаются повторно и могут узнать «участника» предыдущей «игры» и помнить ее исход, стратегическая ситуация превращается в повторную («итерированную») «дилемму заключенного» [23] с более богатым набором возможностей. При этом известное определенное число интеракций между двумя индивидуумами делает некооперативную модель опять стабильной, поскольку «предательство» на известной последней интеракции оказывается оптимальным для

обоих индивидуумов. Эволюционная модель «дилеммы заключенного» R. Axelrod, W.D. Hamilton [23] отличалась тем, что число интеракций заранее неизвестно, и после текущей интеракции существует возможность повторной встречи тех же индивидуумов (факторы, влияющие на эту возможность — их продолжительность жизни, относительная мобильность и состояние здоровья), если вероятность этой встречи больше нуля (w больше 0), помимо эволюционно стабильной стратегии «предательства», возможны и другие эволюционно стабильные стратегии. Если вероятность (w) повторных встреч достаточно велика, то вне зависимости от поведения других в популяции не существует одной «лучшей» стратегии.

R. Axelrod и W.D. Hamilton [23], используя «теорию игр» для биологической реальности, исходили из того, что организм не нуждается в наличии мозга для употребления стратегии. Так, например, бактерии способны «играть в игры», поскольку: 1) отвечают на селективные аспекты окружающей среды (в особенности, на химические); 2) имплицитно могут дифференцированно отвечать на то, что делают другие организмы вокруг них; 3) их стратегии поведения могут быть наследственными; 4) поведение бактерий может влиять на приспособленность (фитнесс) других организмов вокруг них, как и поведение других организмов способно изменять приспособленность бактерий. Но бактерии не могут «помнить» или «интерпретировать» комплекс последовательных изменений в прошлом. При движении вверх по «лестнице эволюции» «игровая» модель поведения становится разнообразнее. Интеллект приматов, к которым относится и человек, обеспечивает более сложную память, более сложную переработку информации и лучшую способность различения индивидуумов, что позволяет «вознаграждать» одного индивидуума за кооперацию и «наказывать» другого за «предательство». Модель «повторяющейся» дилеммы заключенного применима не только к интеракциям между двумя бактериями, а также животными и приматами, но и к интеракциям между колонией бактерий и приматом, выступающим в роли их хозяина-носителя. В проведенном R. Axelrod [23] эксперименте с компьютерными играми оптимальной оказалась стратегия «око за око» (Tit for Tat): употребляющий ее игрок никогда не «предавал» первым, шел на ответное «предательство» лишь в ответ на «измену» второго участника и «прощал» при следующей после акта «возмездия» интеракции. Стратегия «око за око» оказывалась стабильной — не позволяла вытеснить себя «мутантными» стратегиями — при том условии, что индивидуумы с большой вероятностью могли встретиться снова. R. Axelrod и W.D. Hamilton [23] предположили, что «выгода» от кооперативного поведения в ситуациях «дилеммы заключенного» повышается в группах близко родственных индивидуумов (в особенности, в парах родитель–ребенок или у сибсов). Если существует ген кооперации, селекция будет покровительствовать стратегиям, которые основывают

кооперативное поведение на ключах в окружающей среде. При узнавании родственной связи кооперативное поведение повышает «инклюзивную» приспособленность [24, 25]. При сделанном кооперативном выборе одним «ключом» к близости является сам факт реципрокности кооперации. Так и негативный ответ другого, модифицирующий поведение с усилением эгоистичности, несет в себе преимущество при сомнительности генетической близости. Таким образом, возникает «кондиционирование», и кооперация может распространяться в обстоятельствах все меньшей и меньшей родственной связи. При достаточно высокой вероятности повторных встреч тех же индивидуумов реципрокная кооперация становится эволюционно стабильной и в популяции без родственных связей между индивидуумами.

Модель «эволюции кооперации» R. Axelrod, W.D. Hamilton [23], как подчеркивали сами авторы, действовала при условии, что «предавший» индивидуум не способен ускользнуть без возможности эффективного возмездия со стороны другого. «Возмездие» требует того, чтобы некооперативный индивидуум не потерялся в «анонимном море других», и вероятность их повторной встречи была достаточно высока. Когда организм не способен узнать индивидуума, с которым происходила предшествующая интеракция, используется «замещающий» механизм, позволяющий удостовериться в том, что все интеракции происходят с тем же участником: удержание постоянного контакта с другим [23]. Этот метод употребляется в большинстве случаев межвидового «мутуализма»²: так, например, есть виды раков-отшельников, которые даже при смене раковины переносят на новое жилище прежнюю «сожительницу», актинию, защищающую их своими стрекательными клетками; актиния, в свою очередь, питается остатками пищи, достающимися от рака [26]. Другой механизм обойти необходимость узнавания — употребление фиксированного места встречи. Подобный мутуализм наблюдается у рыб в прибрежных и рифовых зонах, где животные обитают на фиксированных территориях, при этом маленькие рыбки, пользуясь покровительством больших хищных рыб, очищают их тело от эктопаразитов, в обстоятельствах открытого моря такой мутуализм неизвестен [23]. Условия «свободного смешения» и временного образования пар, когда «узнавание» невозможно, обычно приводят к эксплуатации: паразитизму, заболеванию и т.п. R. Axelrod и W.D. Hamilton [23] приводили в качестве примера колонии муравьев, часто участвующих в различных симбиозах и даже зависящих от них (отечественные биологи находили распространенным явление «комменсализма» в муравейниках, в которых ряд видов жуков существовал за счет запасов, пополняемых муравьями-хозяевами, это явление можно назвать односторонним симбиозом [27]), и колонии медовых

пчел, в которых симбионты неизвестны и наблюдаются только различные паразиты. Следует заметить, что отечественные энтомологи описывали у муравьев и часто наблюдающийся «временный социальный паразитизм» [28]. Так, самки волосистого желтого муравья проникают в гнезда черного садового муравья и убивают его самку. Возникает гнездо, в котором самка одного вида, а рабочие муравьи — другого. Самка откладывает яйца, а рабочие муравьи другого вида ухаживают за ней и ее молодью, постепенно рождаются рабочие муравьи вида паразита и естественным путем сменяют рабочих хозяина.

В целом же, согласно R. Axelrod и W.D. Hamilton [23], непостоянство ассоциации обладает тенденцией к дестабилизации симбиоза. У видов, обладающих ограниченной способностью различать разных членов того же вида, реципрокная кооперация может быть стабильной благодаря механизмам, уменьшающим степень необходимой дискриминации. Таковыми являются филопатрия (тенденция у мигрирующих животных возвращаться в специальное место для размножения или питания) и «территориальность», наиболее хорошо известна привязанность к месту своей родины у птиц и их территориальный консерватизм [29]. При стабильной территориальности вероятность интеракций обитателей соседних территорий высока, а вероятность повторной интеракции с чужаком низка. Так, например, у самцов территориальных птиц песни служат для узнавания соседей, и самцы реагируют с большей агрессивностью на песню незнакомого самца, чем на песню соседа [30]. На уровне микробов старение и болезни хозяина-человека, означающие снижение вероятности длительности интеракции, могут превратить обычных безобидных бактерий-симбионтов кишечника и кожи в возбудителей опасных заболеваний у человека [23].

В модели «повторяющейся дилеммы заключенного» Н.С. Harpending и J. Sobus [6] обозначили «предателя» как антисоциального «обманщика» и предположили, что особо мобильный «обманщик», участвующий в нескольких интеракциях с отдельными индивидуумами, встречается с достаточно низкой частотой в популяции. При условии неидеальной памяти «реципрокатора» (т.е. кооперативного индивидуума), который способен забыть о том, что случилось при предшествующей встрече с «обманщиком», «обманщик» может выиграть. Относительная частота в популяции «обманщиков» и «реципрокаторов» будет флуктуировать в течение времени.

Более того, в гипотетическом человеческом мире с закрытыми обществами «реципрокаторов» умелый «обманщик» способен проводить некоторое время в зависимости от «выигрыша» при обмане и пропорции наивных «реципрокаторов», меняя популяции. Несовершенная память «реципрокаторов» позволяет образоваться эндемичной популяции мобильных «обманщиков» при условии, что фенотип «обманщика» не включает других «коррелирующих» характеристик, позволяющих идентифицировать его до вступления

² В биологии понятие мутуализма означает двусторонне полезный симбиоз, от лат. *mutuus* — взаимный [26].

в социальную интеракцию. Поскольку эволюция человека подразумевала сокрытие наших мотиваций и намерений, определить «обманщика» бывает непросто, в особенности с помощью рутинных тестов и опросников. Н.С. Harpending и J. Sobus [6] также предположили, что люди-«обманщики» должны быть особенно «умелыми» в подборе слов, пользовании языком и отличаться межперсональной эмпатией. За счет полового диморфизма «обманщик»-мужчина будет отличаться способностью вовлекать женщин в половую близость и обманывать их в отношении собственного «контроля над ресурсами» и возможности обеспечения потенциального потомства. «Обманщик»-женщина умеет притворяться незаинтересованной в половой близости, чтобы обманывать мужчин в отношении отцовства; преувеличивать свою беспомощность и нужду, чтобы мужчина снабдил ее большими ресурсами, а также женщина может обладать склонностью оставлять своих детей, когда их шанс на выживание превышает некий критический показатель. При этом у женщин-«обманщиц» чаще диагностируется гистрионное (истерическое) расстройство личности.

Модели социальной эволюции демонстрируют, что, когда селекция благоприятствует кооперации в популяции, распространение «кооперативных» (взаимовыгодных) фенотипов создает «нишу» для «обманщиков», не отвечающих на получаемые ими «блага». Фенотипы «обманщиков» были описаны во многих видах микроорганизмов и животных, и ранжируются от простых биохимических механизмов среди бактерий до сложных поведенческих тактик, включающих обман, ложное проявление кооперации и альтруизма, высокую мобильность с целью избегания обнаружения и наказания [4, 31, 32]. Некооперативное поведение как животных, так и человека понижает приспособленность (фитнесс) других и включает агрессивное поведение, обман, предательство, хищничество и социальный паразитизм. Оно приводит к таким «интеракциям», которые в ситуации конфликта и соревнования порой снижают «приспособленность» не только «жертвы», но и «агрессора». У человека под малоупотребляемым в психиатрии термином «некооперативная» личность биологи подразумевают гиперагрессивных и антисоциальных личностей [31].

Психиатры эволюционного направления М. McGuire, А. Troisi [33] объясняют большую распространенность антисоциального расстройства личности среди мужчин именно тем, что у них тенденция к миграции выражена сильнее, чем у женщин, а миграция и «детекция» (установление «обманщика») обладают обратной корреляцией. К тому же авторы отмечают, что приблизительно 50% лиц, отвечающих критериям антисоциального расстройства личности, «проходят по жизни» «недиагностированными» и «неустановленными». По сведениям криминологов, лишь 20% мошенников, аферистов и многоженцев идентифицируются и задерживаются, и по эволюционным критериям успешны в жизни: приобретают брачных партнеров и ресурсы, обладают

потомством и социальным влиянием, инвестируют в родственников. Черты, отвечающие за обман, могут быть адаптивными для успешных «обманщиков», но «социально нежелательными», поскольку другие люди становятся жертвами. При этом М. McGuire и А. Troisi [33] также полагают, что селекция против черт, отвечающих за антисоциальное расстройство личности, будет слабой из-за относительно низкой вероятности детекции их носителей.

Все же большинство эволюционистов исходят из того, что «обманщики» могут процветать только в популяции, где большинство являются кооператорами, поэтому эволюция обмана находится в негативной зависимости от его селекционной частоты [4]. Стратегия «обманщика» отбирается только, когда она редкая, но как только она становится более распространенной, идет негативный отбор. Поскольку антисоциальные психопаты согласно эволюционистскому подходу используют малораспространенную стратегию «обманщика», основанную на обмане и манипуляции, такие свойства, как присущее им обычно внешнее поверхностное обаяние, отсутствие чувства вины и раскаяния рассматриваются не как социальные «дефициты», а как черты «общего дизайна». Более того, отсутствие чувства вины помогает антисоциальным психопатам достигать своих биологических целей; в тех ситуациях, в которых люди со способностью испытывать вину воздерживаются от действий, антисоциальные действуют.

А. Stevens и J. Price [34] определяют антисоциальных психопатов (и вместе с ними истериков) с точки зрения психологии «рангов» как «свободных наездников» (free riders). Таковыми являются индивидуумы, стремящиеся присвоить незаслуженную часть ресурсов группы без первоначального соблюдения требований достижения соответствующего социального ранга. Такие люди отличаются склонностью рассчитывать самый недорогой путь достижения своих биосоциальных целей. «Выигрыш» от эксплуатации сбалансирован «ценой» наказания, возмездия и остракизма, которые грозят «обманщику» при его раскрытии. Эта цена будет особенно высокой в маленьком первобытном обществе, характеризующемся интенсивным социальным контролем, а с переходом к сельскохозяйственным культурам и городам с анонимными толпами эволюционное сдерживание такой стратегии ослабляется [4]. Для подтверждения эволюционного взгляда на антисоциальную психопатию как потенциально адаптивную стратегию привлекается и тот аргумент, что, в большинстве случаев проявляющие насилие психопаты, наносящие ущерб не-родственникам, не наносят его близким родственникам (своим родителям и детям) [4, 35]. При этом D.B. Krupp и соавт. [35] объясняют стремление психопата причинять физический ущерб другим относительным увеличением собственной «приспособленности» за счет снижения «приспособленности» жертвы. Другим аргументом в пользу эволюционной «адаптивности» антисоциального расстройства личности служат сведения о повышенной фертильности

таких психопатов по сравнению со среднепопуляционной (т.е. антисоциальные психопаты в среднем оставляют большее число потомков): так, в лонгитудинальном исследовании Т.Е. Moffit и соавт. [36] мужчины с возникшим в детстве и стойко сохраняющимся антисоциальным поведением (при том, что они чаще употребляли прямое и не прямое насилие по отношению к своим женщинам) раньше становились отцами, мало утруждали себя опекой потомков и имели больше детей, чем их неантисоциальные сверстники. Несколько иначе адаптационная стратегия антисоциального расстройства личности понимается с точки зрения концепции «экономических игр» [4, 37]. Исходя из этой концепции, люди с «субклинически» выраженными первичными психопатическими чертами (эмоциональная холодность, манипулятивность, макиавеллизм) являются «стратегами» с партнерами по кооперации. Они отдают с взаимностью тем партнерам, кого считают «высокоценными» (с потенциалом большой выгоды в будущем), и только «берут», манипулируя и обманывая, у «малоценных». Таким образом, для М. Gervais и соавт. [37] субклинический, маловыраженный уровень антисоциальной первичной психопатии является «высокоселективным расчетливым подходом к кооперации», сопоставимым с «мутуализмом», и, поскольку субклинические черты первичной психопатии оказываются адаптивными, им обеспечено персистирование в популяции.

В широком смысле психологи и психиатры эволюционного направления находят в характеристиках антисоциальных личностей преобладание набора свойств «быстрых» жизненных стратегий [4, 5, 38]. Психологические маркеры быстрых стратегий — низкие «сознательность», «дружелюбие» и «честность-скромность», высокие импульсивность и склонность к риску, ранняя и неограниченная сексуальность, сниженные долгосрочные сексуальные ухаживания и стабильность романтических привязанностей, пониженная способность к отвращению (в сексуальной и моральной области) и более раннее сексуальное созревание (особенно у женщин). На нейробиологическом уровне признаками быстрых стратегий считаются пониженная серотонинергическая активность, повышенный уровень дофамина в мезолимбической области, сниженная активность дорсолатеральных префронтальных отделов коры (DLPFC) и высокий уровень андрогенов.

Соответствующие быстрым жизненным стратегиям (F-стратегии) (самим по себе являющимся эволюционно «нормальными») психические «расстройства быстрого спектра», к которым относят и антисоциальное расстройство личности, М. Del Giudice [4] предлагал разделять на расстройства, первично затрагивающие мотивационную систему социального соревнования за доминантность и статус и на прямо связанные с сексуальным ухаживанием и половым партнерством. Это различие перекрывается с антагонистически-эксплуатативным и соблазнительно-творческим профилями, но соответствие неточное, например нарциссическое

расстройство связано с соблазнительно-творческим профилем, но его «ядерная» мотивация — преувеличенное соревнование за статус.

Агрессивные черты, отмечающиеся уже в раннем детстве (от 1 года до 3 лет), возможно, имеют протективную функцию, защищая от «вызова», который несут в себе антисоциальные родители (риск злоупотребления и инфантицида). Это становится онтогенетической адаптацией к аналогичному расстройству у родителей [4], при наличии в семье братьев-сестер ранняя агрессивность может быть формой адаптации в конфликте сиблингов за «ресурсы». Расстройства, связанные с соревновательностью, имеют склонность развиваться с пиком в «среднем детстве»³ [4]. Этот период считается критической фазой для соревнования за статус, в это время под влиянием надпочечниковых андрогенов система статуса и агрессии претерпевает важные сдвиги в своем развитии. В системе привязанностей, наряду с привязанностью к родителям, выходят на первый план близкие отношения со сверстниками. В период «среднего детства» интенсивное «социальное обучение» на всех уровнях может вести к «обучению девиантности» (deviancy training [13]).

Расстройства быстрого типа имеют склонность улучшаться или послабляться после третьей декады жизни, в отношении динамики большей части «антисоциальных психопатий» подобное положение эволюционной психиатрии и психологии соответствует давним наблюдениям Е. Kraepelin [8], при этом эволюционный подход объясняет такую динамику личности прохождением пика социального и репродуктивного соревнования (сопровождающегося снижением уровня половых гормонов).

Следует отметить, что концепция «быстрых/медленных популяционных стратегий» [39] привлекается для объяснения географических различий в распространенности агрессивного и насильственного поведения (психологические механизмы которого авторы [5] ограничивают «реактивной» агрессивностью). Однако предположению Р. Van Lange и соавт. [5] об общей тенденции к нарастанию агрессивного поведения и насильственных актов по направлению к экватору и выводам о преобладании «быстрых» стратегий в странах с жарким климатом, а «медленных» — в северных странах — противоречит разница в эпидемиологических данных по насильственным преступлениям в целом ряде стран со сходной географической широтой и климатом. Агрессивные и насильственные действия чаще регистрируются в странах с теплым, чем с жарким климатом [40], поскольку люди при высоких температурах предпочитают скорее избегать жару, чем ввязываться в драку. Общая тенденция к «экваториальному» нарастанию «реактивной» агрессивности может отражать увеличение распространенности «вторичной социопатии», являющейся, по определению автора

³ В литературе границы «раннего» и «среднего» детства указываются по-разному, для «раннего» чаще приводится возраст от 1 года до 3–6 лет, для «среднего» — обычно от 6 до 11 лет.

«социобиологической» модели антисоциального расстройства личности Л. Меaley [41], ответом развития личности на ряд факторов внешней среды (поскольку стратегии «обманщиков» предсказуемо отличаются не только в зависимости от свойств индивидуумов, но и от свойств среды) с различным использованием стратегий как обмана, так и кооперации, но ничего не сообщает о «первичной социопатии», которая в рамках той же концепции Л. Меaley [41] ограничивается «генетически детерминированной» единственной (single) антисоциальной стратегией, неизменно употребляемой индивидуумом во всех социальных ситуациях.

В заключение подчеркнем, что, в сущности, «мультидисциплинарные» концепции «эволюционного» подхода к изучению типологии расстройств личности и, в частности, антисоциального расстройства личности, открывают новые перспективы в понимании его генеза, нуждаются в дальнейшем критическом анализе и изучении, могут быть использованы в моделях прогнозирования девиантного поведения и рекомендуются для обогащения клинического мышления психиатра и психолога.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. МКБ-10/ICD-10. Международная классификация болезней (10-й пересмотр). Классификация психических и поведенческих расстройств. Клинические описания и указания по диагностике (Перевод на русский язык под ред. Ю.Л. Нуллера, С.Ю. Циркина). Всемирная организация здравоохранения. Россия, Санкт-Петербург: Оверлайд, 1994. МКБ-10/ICD-10. Mezhdunarodnaja klassifikacija boleznej (10-j peresmotr) [International Classification of diseases]. Klassifikacija psihicheskikh i povedencheskikh rasstrojstv. Klinicheskie opisanija i ukazanija po diagnostike (Perevod na russkij jazyk pod red. Ju.L. Nullera, S.Ju. Cirkina). Vsemirnaja Organizacija Zdravoohraneniya. Rossija, Sankt-Peterburg: Overlajd, 1994. (In Russ.).
2. Diagnostic Criteria from DSM-IV TM. Washington, DC: American Psychiatric Association, 1994.
3. American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, Fifth Edition (DSM-5). Arlington, VA: American Psychiatric Publishing, 2013. doi: [10.1176/appi.books.9780890425596](https://doi.org/10.1176/appi.books.9780890425596)
4. Del Giudice M. Evolutionary Psychopathology. A Unified Approach. New York: Oxford University Press, 2018.
5. Van Lange PAM, Rinderu MI, Bushman BJ. Aggression and violence around the world: A model of CLimate, Aggression, and Self-control in Humans (CLASH). *Behav Brain Sci*. 2017;40:e75. doi: [10.1017/S0140525X16000406](https://doi.org/10.1017/S0140525X16000406) Epub 2016 May 23. PMID: 27210865
6. Harpending HC, Sobus J. Sociopathy as an adaptation. *Ethology and Sociobiology*. 1987;8:63–72. doi: [10.1016/0162-3095\(87\)90019-7](https://doi.org/10.1016/0162-3095(87)90019-7)
7. Schneider K. Die psychopatische Persoenlichkeiten. Zweite, wesentlich veraenderte Auflage. Leipzig und Wien: Franz Deuticke, 1928.
8. Kraepelin E. Psychiatrie. Ein Lehrbuch fuer Studierende und Aerzte. Achte, vollstaendig umgearbeitete Auflage. IV Band. Klinische Psychiatrie. III. Teil. Leipzig: Verlag von Johann Ambrosius Barth, 1915:1397–2340.
9. Vitale JE, Newman JP. Psychopathy as psychopathology: Key developments in assessment, etiology, and treatment. In: Psychopathology: History, diagnosis and empirical foundations. (Edited by W.E. Craighead, D.J. Miklowitz, L.W. Craighead). 2nd Edition. New York: John Wiley & Sons, 2013:583–615;612–650.
10. Cleckley H. The Mask of Sanity. An attempt to clarify some issues about the so-called Psychopathic Personality. Third Edition. St. Louis: The S.B. Mosby Company, 1955.
11. Lilienfeld SO, Watts AL, Smith SF. Successful Psychopathy: A Scientific Status Report. *Current Directions in Psychological Science*. 2015;24(4):298–303. doi: [10.1177/0963721415580297](https://doi.org/10.1177/0963721415580297)
12. Hawes DJ, Brennan J, Dadds MR. Cortisol, callous-unemotional traits, and pathways to antisocial behavior. *Curr Opin Psychiatry*. 2009;22(4):357–362. doi: [10.1097/YCO.0b013e32832bfa6d](https://doi.org/10.1097/YCO.0b013e32832bfa6d) PMID: 19455037.
13. Dishion TJ, Patterson GR. The development and ecology of antisocial behavior: linking etiology, prevention and treatment. In: Developmental Psychopathology. Third Edition (Edited by Dante Cicchetti). Vol. 3. Maladaptation and Psychopathology. New York: Wiley & Sons; 647–678.
14. Jennings WG, Reingle JM. On the number and shape of developmental/life-course violence, aggression, and delinquency trajectories: A state of the art review. *Journal of Criminal Justice*. 2012;40(6):472–489. doi: [10.1016/j.jcrimjus.2012.07.001](https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2012.07.001)
15. Moffitt TE. Adolescence-Limited and Life-Course-Persistent Antisocial Behavior: A Developmental Taxonomy. *Psychological Review*. 1993;100(4):674–701. doi: [10.1037/0033-295X.100.4.674](https://doi.org/10.1037/0033-295X.100.4.674) PMID: 8255953.
16. Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь. Издание второе, дополненное. Перевод с шестого издания (Лондон, 1872) (отв. ред. акад. А.Л. Тахтаджян). Санкт-Петербург: Наука, 2001. Darwin Ch. Proishozhdenie vidov putem estestvennogo otbora ili sohranenie blagoprijatnyh ras v bor'be za zhizn'. Izdanie vtroe, dopolnennoe. Perevod s shestogo izdaniya (London, 1872). (Otv. redaktor akad. A.L. Tahtadzhan). Sankt-Peterburg: Nauka, 2001. (In Russ.).
17. Darwin Ch. On the Origin of Species by Means of Natural Selection. London: John Murray, 1859.

18. Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор (под редакцией академика Е.Н. Павловского). В кн.: Собрание сочинений: в 9 т. М.: Издательство Академии наук Союза Советских Социалистических Республик, 1953;5:133–656.
Darvin Ch. Proishozhdenie cheloveka i polovoj otbor (pod redakciej akademika E.N. Pavlovskogo). V kn.: Charlz Darvin. Sochinenija: v 9 t. Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk Sojuza Sovetskih Socialisticheskikh Respublik, 1953;5:133–656. (In Russ.).
19. Darwin Ch. The Descent of Man and Natural Selection in relation to Sex. In two Volumes. London: John Murray, 1871.
20. Гоббс Т. Левиафан (1651) (перевод с англ. А. Гутермана). Москва: РИПОЛ классик, 2021.
Hobbes Thomas. Levafan (1651) (perevod s angl. A. Gutermana). Moskva: RIPOL klassik, 2021. (In Russ.).
21. Lombroso C. L'uomo delinquente studiato in rapporto allo antropologia, alla medicina legale et alle discipline carcerarie. Milano-Napoli-Pisa: Ulrico Hoepli Libraio-Editore, 1876.
22. Руссо Жан-Жак. Эмиль, или О воспитании (1762) (перевод с французского М. Энгельгардта). Санкт-Петербург: Газ.: «Школа и жизнь», 1912.
Rousseau Jean-Jacques. Emile, ili O vospitanii (1762). (perevod s francuzskogo M. Jengel'gardta). Sankt Peterburg: Gaz.: "Shkola i zhizn'", 1912. (In Russ.).
23. Axelrod R, Hamilton WD. The evolution of cooperation. *Science*. 1981 Mar 27;211(4489):1390–1396. doi: [10.1126/science.7466396](https://doi.org/10.1126/science.7466396) PMID: 7466396.
24. Hamilton WD. The genetical evolution of social behaviour. I. *J Theor Biol*. 1964;7(1):1–16. doi: [10.1016/0022-5193\(64\)90038-4](https://doi.org/10.1016/0022-5193(64)90038-4) PMID: 5875341.
25. Hamilton WD. The Genetical Evolution of Social Behaviour. II. *Journal of Theoretical Biology*. 1964 Jul;7(1):17–52. doi: [10.1016/0022-5193\(64\)90039-6](https://doi.org/10.1016/0022-5193(64)90039-6) PMID: 5875340.
26. Бирштейн ЯА. Класс ракообразные (CRUSTACEA). В кн.: Жизнь животных: в 6 т. Т. 2. Беспозвоночные. (Под редакцией действительного члена АН СССР Л.А. Зенкевича). Москва: Издательство «Просвещение», 1968:380–529.
Birshtejn YaA. Klass rakoobraznye (CRUSTACEA). V kn.: Zhizn' zhivotnyh v 6 tomah [Life of animals in 6 Vol]. 2 Tom. Bespozvonochnye [Invertebrates] (Pod redakciej chl.-kor. AN SSSR prof. L.A. Zenkevicha). Moskva: Izdatel'stvo "Prosveshhenie", 1968:380–529. (In Russ.).
27. Зенкевич ЛА. Введение. В кн.: Жизнь животных: в 6 т. Т. 1. Беспозвоночные. (Под редакцией действительного члена АН СССР Л.А. Зенкевича). Москва: Издательство «Просвещение», 1968:7–53.
Zenkevich L.A. Vvedenie [Introduction]. V kn.: Zhizn' zhivotnyh v 6 tomah [Life of animals in 6 Vol]. Tom 1. Bespozvonochnye [Invertebrates] (Pod redakciej chl.-kor. AN SSSR prof. L.A. Zenkevicha). Moskva: Izdatel'stvo "Prosveshhenie", 1968:7–53. (In Russ.).
28. Длусский ГМ. Отряд перепончатокрылые (Hymenoptera). В кн.: Жизнь животных: в 6 т. Т. 3. Беспозвоночные. Членистоногие. Arthropoda (окончание). (Под редакцией действительного члена АН СССР Л.А. Зенкевича). Москва: Издательство «Просвещение», 1969:422–484.
Dlusskij GM. Otrjad pereponchatokrylye (Hymenoptera). V kn.: Zhizn' zhivotnyh v 6 tomah [Life of animals in 6 Vol]. Т. 3. Bespozvonochnye [Invertebrates] Chlenistonogije. Arthropoda (okonchaniye). (Pod redakciej chl.-kor. AN SSSR prof. L.A. Zenkevicha). Moskva: Izdatel'stvo "Prosveshhenie", 1969:422–484. (In Russ.).
29. Дементьев ГП. Тип позвоночные (Vertebrata). Класс птицы (Aves). Общая характеристика. В кн.: Жизнь животных: в 6 т. Т. 5. Птицы. (Под ред. проф. Н.А. Гладкова, А.В. Михеева). Москва: Издательство «Просвещение», 1970:7–44.
Dement'ev G.P. Tip pozvonochnye (Vertebrata). Klass pticy (Aves). Obshchaya harakteristika [Class of birds. General description]. V kn.: Zhizn' zhivotnyh v 6 tomah [Life of animals in 6 Vol]. Т. 5. Pticy [Birds]. (Pod red. prof. N.A. Gladkova, A.V. Miheeva). Moskva: Izdatel'stvo "Prosveshhenie", 1970:7–44. (In Russ.).
30. Wilson E.O. (1975) Sociobiology: The new Synthesis. Twenty-fifth Anniversary Edition. Cambridge, Massachusetts; London, England: The Belknap Press of Harvard University Press, 2000.
31. Bergmüller R, Schürch R, Hamilton IM. Evolutionary causes and consequences of consistent individual variation in cooperative behaviour. *Philos Trans R Soc Lond B Biol Sci*. 2010 Sep 12;365(1553):2751–2764. doi: [10.1098/rstb.2010.0124](https://doi.org/10.1098/rstb.2010.0124) PMID: 20679117; PMCID: PMC2936170.
32. McNally L, Jackson AL. Cooperation creates selection for tactical deception. *Proc Biol Sci*. 2013;280(1762):20130699. doi: [10.1098/rspb.2013.0699](https://doi.org/10.1098/rspb.2013.0699) PMID: 23677345; PMCID: PMC3673056.
33. McGuire M, Troisi A. Darwinian Psychiatry. New York, Oxford: Oxford University Press, 1998.
34. Stevens A., Price J. Evolutionary Psychiatry. A new beginning. Second Edition. London and New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2000.
35. Krupp DB, Sewall LA, Lalumière ML, Sheriff C, Harris GT. Nepotistic patterns of violent psychopathy: evidence for adaptation? *Front Psychol*. 2012;3:305. doi: [10.3389/fpsyg.2012.00305](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2012.00305) PMID: 22973244; PMCID: PMC3428807.
36. Moffitt TE, Caspi A, Harrington H, Milne BJ. Males on the life-course-persistent and adolescence-limited antisocial pathways: follow-up at age 26 years. *Dev Psychopathol*. 2002 Winter; 14(1):179–207. doi: [10.1017/s0954579402001104](https://doi.org/10.1017/s0954579402001104) PMID: 11893092.
37. Gervais MM, Kline M, Ludmer M, George R, Manson JH. The strategy of psychopathy: primary psychopathic traits predict defection on low-value relationships. *Proc Biol Sci*. 2013;280(1757):20122773.

doi: [10.1098/rspb.2012.2773](https://doi.org/10.1098/rspb.2012.2773) PMID: 23446522; PMCID: PMC3619474.

38. Пятницкий НЮ, Абрамова ЛИ. Понятие адаптации и «жизненных стратегий» в эволюционной психиатрии и психологии. *Психиатрия и психофармакотерапия. Журнал имени П.Б. Ганнушкина*. 2023;6:38–45.

Pyatnitskiy NYu, Abramova LI. The concept of adaptation and life “strategies” in evolutionary psychiatry and psychology. *Psychiatry and Psychopharmacotherapy. P.B. Gannushkin's Journal*. 2023;6:38–45. (In Russ.).

39. MacArthur RH, Wilson EO. The theory of island biogeography. Princeton, N.J: Princeton University Press, 2001. ISBN 978-0-691-08836-5. OCLC 45202069.

40. Van de Vliert E, Schwartz SH, Huismans SE, Hofstede G, Daan S. Temperature, cultural masculinity, and domestic political violence. *Journal of Cross-Cultural Psychology* 1999;30:291–314. doi: [10.1177/0022022199030003002](https://doi.org/10.1177/0022022199030003002)

41. Mealey L. The sociobiology of sociopathy: An integrated evolutionary model. *Behavioral and Brain Sciences*. 1995;18:523–599. doi: [10.1017/S0140525X00039595](https://doi.org/10.1017/S0140525X00039595) Corpus ID: 53956461

Сведения об авторах

Николай Юрьевич Пятницкий, кандидат медицинских наук, ведущий научный сотрудник, отдел медицинской психологии, ФГБНУ «Научный центр психического здоровья», Москва, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-2413-8544>

piatnits09@mail.ru

Сергей Николаевич Ениколопов, кандидат психологических наук, заведующий отделом, отдел медицинской психологии, ФГБНУ «Научный центр психического здоровья», Москва, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-2413-8544>

enikolopov@mail.ru

Information about the authors

Nikolay Yu. Pyatnitskiy, Cand. of Sci. (Med.), Leading Researcher, Medical Psychology Department, FSBSI “Mental Health Research Centre”, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-2413-8544>

piatnits09@mail.ru

Sergey N. Enikolopov, Cand. of Sci. (Psychol.), Head of Medical Psychology Department, FSBSI “Mental Health Research Centre”, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-2413-8544>

enikolopov@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Дата поступления 27.01.2024
Received 27.01.2024

Дата рецензирования 14.04.2024
Revised 14.04.2024

Дата принятия 14.05.2024
Accepted for publication 14.05.2024